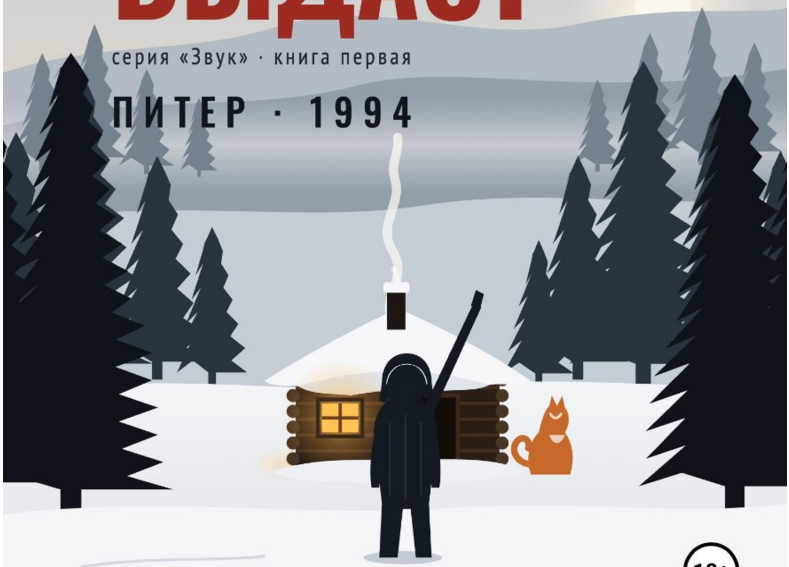
АЛЕКСАНДР ЗВУКОВ

ТАЙГА НЕ ВЫДАСТ

серия «Звук» · книга первая

ПИТЕР · 1994

18+

Александр Звуков
Тайга не выдаст

https://litres.ru/74728659
SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1994-го. Звук — бывший «афганец», старший небольшой бригады с юго-запада Петербурга. Ларьки, рынок, подержанный «Мерседес», деньги, отложенные на выход. Одна ошибка — и стрелка за Красненьким кладбищем оборачивается засадой. Четверо друзей остаются на пустыре. Пятый исчезает. Звук уходит раненым — через всю страну, на старое зимовье деда-промысловика на реке Дичун, о котором в городе не знает никто.

Мороз под сорок, сырые дрова, угар, медведь-шатун, браконьеры. Тайга не прощает ошибок, а он забыл её за десять лет города. Рядом — старый промысловик, знавший его деда, и рыжая лайка, которая пришла сама. А в Петербурге и Хабаровске его уже ищут по фотографии. И кто-то из своих знает, куда смотреть.

Реалистичный роман о выживании, дружбе и предательстве — без суперменов.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Двадцать пять	14
Глава 2. Площадка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Звуков
Тайга не выдаст

Тайга не выдаст
Александр Звуков

От автора

Все персонажи, организации и события этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, и с действующими или существовавшими организациями случайны.

Некоторые реальные места — улицы, рынки, посёлки, реки — использованы как фон. Описанные в романе события там не происходили.

Книга содержит сцены насилия и предназначена для читателей старше 18 лет.

Пролог

Зимовье он увидел не сразу.

Тропа давно заросла, и последний километр Саша Звуков (в Питере его давно звали просто Звук) шёл скорее по памяти, чем по следу: от ключа направо, вдоль распадка, мимо выворотня, который за двенадцать лет превратился в рыжую труху. Рюкзак тянул плечи. Ружьё на ремне било по боку при каждом шаге. Левый бок, там, где под свитером стягивался молодой шрам, ныл ровно и привычно.

Потом между стволами проступило что-то тёмное и низкое, слишком прямоугольное для тайги, и он остановился.

Изба вросла в землю по самые окна. Крыша поросла мхом, у порога вымахал бурьян, сейчас пожухлый, ломкий от ночных заморозков. Дверь, низкая, под рост человека, который входит согнувшись, была подпёрта колом. Так оставляли все зимовья: не от людей, от зверя.

Звук снял рюкзак, прислонил к стене. Постоял.

Он ждал, что что-нибудь почувствует. Почувствовал только усталость.

* * *

Внутри было темнее, чем снаружи, и холоднее. Свет шёл из единственного маленького окна над столом, мутного, засиженного мухами. Звук стоял на пороге и ждал, пока привыкнут глаза.

Нары по бокам. Стол посередине. Печка в углу у двери: железная, рыжая от ржавчины, с коленом трубы, уходящим в потолок.

Он это уже видел. Видел тысячу раз, только с другой высоты: тогда стол приходился ему почти под подбородок, а дед садился вон туда, на край левых нар, и чистил ружьё, пока закипал чайник. Звук помнил этот угол. Помнил, как скрипит доска у порога. Наступил на неё, и она скрипнула.

И всё-таки это было не то зимовье. Не то, что жило у него в голове. Там было тепло, пахло дымом и мокрой собачьей шерстью, и дед что-то рассказывал. А здесь стояла серость. Сырые, потемневшие брёвна. Паутина в углах. На нарах истлевшее тряпьё, кусок старого брезента. Пол затоптан, в углу мышиный помёт.

И запах. Он не смог бы его описать, но узнал сразу: старое холодное дерево, сырость, мыши, застарелая сажа. Запах дома, где давно не живут.

Звук прошёл к столу. Под потолком на проволоке висели мешочки, тёмные от времени. Он снял один, развязал: соль, слипшаяся в камень. Во втором была крупа. Подвешены, чтобы мыши не достали. Дед всегда так делал, и, видно, не только дед: мешочки были не такие уж старые. Кто-то бывал здесь после него. Охотник, рыбак, просто прохожий. Таёжный закон: пользуешься — оставь.

На полке у печки лежал коробок спичек, завёрнутый в обрывок полиэтилена. Возле печки, под стеной, — немного

дров. Сухих. На первую ночь хватит.

Звук сел на нары. Доски под ним прогнулись, но выдержали. Изо рта шёл пар.

Он вдруг понял, что прямо сейчас ему ничего не хочется делать. Вообще ничего. Сидеть вот так, в этой сырой полутьме, и смотреть на облупленную печку. Дорога кончилась. Неделя поезда, Хабаровск, машина, лесовозка, пешком по распадку — всё это держало его, гнало вперёд, не давало думать. А теперь гнать было некуда.

Он посидел минуту. Потом встал.

План был простой, и он составил его ещё в поезде, на верхней полке, глядя в потолок: вода, крыша, печка, дрова. По порядку. Не думать ни о чём, пока не сделано первое. Потом второе.

* * *

Вода.

Ключ был там, где он его помнил, метрах в тридцати ниже по склону. Только помнил он его другим: в детстве ручей казался речкой. Сейчас между камней сочилась тонкая струйка, местами пропадая под опавшими листьями. Ведро сюда не опустить, разве что кружкой черпать.

Звук спустился, сел на корточки, долго смотрел.

Дед углублял русло. Звук вспомнил это не сразу, а когда увидел чуть ниже по течению несколько плоских камней, сложенных полукругом, почти утонувших в иле. Здесь когда-то брали воду. Теперь всё затянуло, засыпало листвой.

Он выгреб листву руками. Вода была такая холодная, что через минуту заныли пальцы, а через две он перестал их чувствовать. Пошёл наверх за лопатой. Копал, выбрасывая жидкий ил на берег, выворачивал камни, перекладывал. Получалось криво. Края оплывали, камни съезжали обратно в воду. Он переложил ещё раз, подбирая плоские, вставляя их плотнее, один к другому, как кирпичи.

Через час в русле было углубление, обложенное камнем, как раз чтобы зачерпнуть ведром. Вода в ней стояла мутная, рыжая от поднятого ила.

— Отстоится, — сказал он вслух. Голос в пустом лесу прозвучал странно, и больше он вслух не говорил.

* * *

Печка.

Он открыл дверцу. Внутри было серо от старой золы, и, когда он сунул туда руку, из золы с писком выскочила мышь, метнулась по полу и исчезла под нарами. Звук отдёрнул руку. Потом усмехнулся.

Выгребал золу консервной банкой прямо на пол, потом в ведро, выносил за порог. Пыль стояла столбом, оседала на лице и в горле. Топка изнутри была цела: проржавела, но не прогорела, стенки толстые. Он простучал их обухом топора, прислушиваясь. Звенело глухо, ровно.

А вот труба.

Колено, уходившее в потолок, у самого основания было изъедено ржавчиной до дыр. Звук ткнул пальцем, и железо

осыпалось рыжими хлопьями. Одна дыра с пятак, вторая побольше, с длинной трещиной вдоль шва.

Он стоял и смотрел на эту трубу. Лист жести под неё он купил ещё в Хабаровске. И рубероид. Всё это лежало сейчас в машине, в распадке, вместе с канистрами, мешками и половиной остального, и до машины было не близко. Завтра. Или послезавтра.

А топить надо было сегодня.

Ладно.

У стены снаружи, под стрехой, валялся всякий хлам, оставленный за годы: ржавые банки, обрезки доски, моток проволоки, кусок рубероида, свёрнутый трубой. И лист жести, мятый, гнутый, когда-то, видимо, бывший частью ведра или бака. Звук принёс жесть, расправил на колене, как смог. Обернул трубу в два слоя по дырявому месту, стянул проволокой, закрутил плоскогубцами.

Вышло уродливо. Но держалось.

* * *

К вечеру с Дичуна поднялся туман, густой, как вата, и затопил распадок. А потом пошёл дождь.

Начался мелко, почти незаметно, холодный, с ледяной крупой, но к тому времени, когда Звук сложил в печку щепу и бересту, он уже шумел по крыше ровно и сильно.

Звук чиркнул спичкой. Береста схватилась сразу, скрутилась, затрещала. Он подложил щепы, потом полено потоньше. Огонь лизнул его, словно пробуя, и взялся.

Сначала потянуло дымом в избу, из-под жестяной обмотки. Звук выругался, подтянул проволоку, и дым ушёл. Труба загудела. Сначала тихо, потом громче, когда разгорелось как следует, и он прикрыл дверцу, оставив щель.

И тогда началось.

Он не ждал этого. Сидел на корточках перед печкой, грел руки, и тепло шло от железа сначала в ладони, потом в лицо, потом куда-то глубже, внутрь, под рёбра. Печка потрескивала. На её боках проступили и начали подсыхать сырые пятна. От брёвен пошёл лёгкий пар. В избе запахло по-другому: дымом, нагретым железом, смолой. Тем самым запахом, который жил у него в памяти пятнадцать лет.

Звук сел на пол, прислонился спиной к нарам и закрыл глаза.

Хорошо. Вот просто — хорошо. Впервые за много недель, с того самого вечера, о котором он сейчас не думал и думать не собирался, ему было хорошо. Тепло. Сухо. Дождь шумит. И никого вокруг на десятки километров.

Тут ему на шею упала холодная капля.

Он открыл глаза. Над ним, на потемневшей доске потолка, набухала следующая. Чуть дальше, над столом, капало тоже: на стол уже натекла маленькая лужица. Он поднялся, огляделся. Ещё одна течь в углу над правыми нарами.

Три места. Пока три.

Он поставил под капли что нашёл: консервную банку, кружку, котелок. Капли застучали в железо, каждая в своём

ритме. Звук послушал этот звон. Подумал, что завтра первым делом полезет на крышу с тем куском рубероида. Хватит ли его на три дыры, он не знал.

Подбросил в печку полено. Достал из рюкзака пистолет, проверил и сунул под свёрнутую куртку в изголовье. Ружьё поставил к нарам, под руку.

Дров у печки оставалось на одну ночь, может быть, на две. Где-то за ключом, он помнил, на склоне стояли сухие ели. Сушины. Пила, шведская, новая, купленная в Хабаровске за бешеные деньги, лежала у стены, в мешке, со снятой шиной. Её он донёс первой. А бензин, две двадцатилитровые канистры, и масло остались в машине, которую он загнал в распадок там, где кончилась дорога, и завалил ветками. За ними ещё идти, и не один раз.

Бешеные деньги. Он поймал себя на том, что опять считает. Джип, пила, ружьё, патроны, бензин, мешки с крупой и мукой. Каждая бумажка из пачки, которую он откладывал не на это. Не на то, чтобы сидеть в лесу и прятаться. Он хотел дом. Дело, своё, настоящее, чтобы утром ехать на работу, а не на стрелку. Чтобы деньги росли, а не таяли.

Бежин тоже хотел.

Звук оборвал эту мысль, как обрывал её всю дорогу. Валить, пилить на брёвна, таскать к зимовью, пилить на чурки, колоть, складывать в поленницу под навес. Навес, кстати, тоже надо будет посмотреть.

Работы было на месяц. А зима начнётся раньше.

Звук лёг на нары, на брезент, укрылся спальником. Печка гудела. Капли звенели в банках. Он лежал и смотрел, как по потолку ходит рыжий отсвет из щели в дверце.

Он думал, что помнит тайгу.

Сегодня он выяснил, что не помнит почти ничего.

* * *

Ночью ему снилось то же, что снилось каждую ночь с той пятницы.

Тёмный пустырь. Битый кирпич под щекой. Запах бурьяна и пороха. И голоса за спиной, совсем близко, спокойные, деловые, будто считают ящики на складе.

— *Считай.*

— *Четыре. «Нивы» нет.*

Он проснулся. Сел на нарах. В темноте стучал дождь по консервным банкам, каждая капля в своём ритме.

Четыре.

Он сидел и смотрел в темноту, пока не стало светать.

Глава 1. Двадцать пять

Петербург, конец августа 1994 года

Ресторан назывался «Юго-Запад», и ничего лучше на Ленинском в тот год не было. Два зала, белые скатерти, официанты в жилетках, живая музыка по пятницам. На вывеске не горели две буквы, и вечером она светила в темноту «ЮГО-ЗА АД». Щавель каждый раз над этим ржал.

Звук приехал первым. Поставил «кабана» у входа, так, чтобы видеть его из окна, кивнул швейцару и прошёл в дальний зал. Стол был накрыт ещё с обеда: он сам заезжал, сам заказывал, сам отсчитал администратору аванс. Оливье, селёдка под шубой, заливное, красная рыба, икра в вазочках. Горячее потом. Водку — «Абсолют», не местную, которую разливали неизвестно где. Для Бежина отдельно бутылку грузинского, тот водку не пил.

Он сел спиной к стене, лицом ко входу. Привычка, о которой никто никогда не спрашивал.

Двадцать пять лет Немому. Звук подумал, что сам он отметил двадцать пять полгода назад и почти не заметил. А вот Немому хотелось сделать по-человечески. Почему — он и сам бы не объяснил.

* * *

Ушлый с Тараном пришли вместе, и это было слышно ещё из гардероба.

— Да я тебе говорю, он сам ни под кем! — Ушлый втиснулся в дверной проём, большой, рыхлый, в кожаном пиджаке, который на нём сидел, как на шкафу. — Я узнавал. Чистый. Сидит, торгует, никому ничего.

— Так не бывает, — сказал Таран.

— Бывает! — Ушлый увидел Звука, расплылся. — О, Саня. Здоро́во.

Пожали руки. Таран — коротко, сильно, как всегда, будто проверял. Он был ниже Звука на полголовы и шире в плечах, стриженный под ноль, с перебитым носом. В бригаде его звали Тараном не за ум.

— Про что спорите?

— Да так, — Ушлый махнул рукой, сел, тут же потянулся к рыбе. — Потом расскажу. Не при имениннике же.

Звук посмотрел на него. Ушлый выдержал взгляд, улыбнулся. Он всегда улыбался, когда что-то задумал, и все это знали, и он знал, что все знают, и всё равно улыбался.

— Потом, — согласился Звук.

* * *

Бежин пришёл с женой.

Звук этого не ждал и обрадовался. Лена была маленькая, светлая, в синем платье, явно лучшем, что у неё было. Держала Бежина под руку крепко, словно боялась, что он сейчас развернётся и уйдёт.

— Дочку к маме отвезли, — сказал Бежин, как будто оправдывался. — Ленка сказала, хочет хоть раз посмотреть,

с кем я всё время.

— Правильно сказала, — Звук встал, отодвинул ей стул. — Садитесь.

Лена села, огляделась. Звук видел, как она смотрит: на Тарана с его носом, на Ушлого с полным ртом, на бутылки, на икру. Ей было неуютно, но она держалась. Бежин сел рядом, взял её руку под столом.

Бежин был самый обычный из них. Обычное лицо, обычный рост, ничего такого, за что цепляется глаз. В армии он был водителем, а теперь водил «девятку» и в деле был не первым, но надёжным. Звук ценил это больше, чем многие думали.

* * *

Щавель ворвался последним, с огромным букетом гвоздик.

— А где именинник? Я не опоздал? Опоздал? Ну и хорошо, значит, всё самое скучное без меня. — Он сунул гвоздики Лене. — Это вам. Мадам. Вы тут единственная, кому их не стыдно дарить.

Лена засмеялась впервые за вечер. Щавель умел так: войти, и всё сразу становилось легче.

— А Немому?

— А Немому я подарок привёз! — Щавель понизил голос. — Вы только не говорите. Сюрприз.

— Как мы скажем, — хмыкнул Таран.

* * *

Немой вошёл тихо, как всегда.

Невысокий, жилистый, в новом сером костюме, который явно купил специально и в котором ему было неловко. Остановился на пороге зала, увидел накрытый стол, всех. Звук видел, как изменилось его лицо. Немой ничего не сказал, он не говорил уже пять лет. Только постоял секунду и опустил глаза.

— Ну, иди, иди, — Щавель вскочил, обнял его, похлопал по спине. — Чего встал, как на разводе.

Немой обошёл стол, поздоровался с каждым. Лене поклонился, чуть смешно, по-старомодному. Последним подошёл к Звуку.

Звук встал. Они пожали руки, и Немой не сразу отпустил. Посмотрел Звуку в глаза, потом коротко кивнул на стол, на зал, на всё это. Потом прижал ладонь к груди.

Спасибо.

— Садись, — сказал Звук. — Твой день.

* * *

Пили за Немого. За его маму в Тихвине, которой он каждый месяц отсылал почти всё. За тех, кто остался «за речкой». Этот тост пили стоя и молча, и Лена тоже встала, не понимая, но чувствуя, что надо.

Говорили все, кроме Немого и Звука. Немой отвечал руками, лицом, глазами, и Звук понимал его почти всегда. Остальные понимали через раз и переспрашивали, а Немой смеялся беззвучно, одними плечами, и показывал ещё раз,

медленнее, как ребёнку.

Звук понимал его с тех пор, как Немой замолчал. Пять лет назад, в госпитале, когда Борька Иванов лежал с перевязанной головой и смотрел в потолок, а врач объяснял, что слух сохранился, а речь — неизвестно, может, вернётся, а может, и нет. Не вернулась. А Звук сидел рядом и думал о том, что тот снаряд был его. Что Борька просто оказался между. Об этом они никогда не говорили. Ни разу. Ни словами, ни руками.

— Саня, — Щавель толкнул его в бок. — Ты где? Ты спишь?

— Здесь я.

— Скажи тост. Ты же старший. Ты ни разу не сказал.

Все посмотрели на него. Звук не любил тостов. Он вообще не любил говорить, когда все смотрят. Но встал.

— Борь, — сказал он. Немой поднял голову. — Ты знаешь.

И выпил.

Это был весь тост. Щавель открыл было рот, чтобы пошутить, но посмотрел на Немого и не стал. Немой сидел и смотрел на Звука, и глаза у него блестели. Потом он кивнул. Да. Знаю.

* * *

Подарок Щавеля оказался кассетным плеером «Сони», с наушниками, в коробке.

— Будешь музыку слушать, — объяснил Щавель. — Чтоб

не скучно было с нами, с дураками.

Немой повертел коробку и показал рукой на рот, на Щавеля, на уши. Потом сделал вид, что срывает наушники.

— Чего он? — не понял Щавель.

— Говорит, лучше бы ты в них сидел, — перевёл Звук. — Чтоб он тебя не слышал.

Ржали все. Таран так, что поперхнулся и Ушлый долго лупил его по спине. Лена смеялась, закрывая рот ладонью. Щавель обиделся показательно, на всю ширину лица, а потом сам смеялся громче всех.

Звук смотрел на них и думал, что вот это — его. Эти пятеро. Больше у него никого не было, и он не жалел. Родню в посёлке он не видел десять лет, дед умер, мать писала раз в год. А эти были здесь. Каждый день.

* * *

Заиграла музыка. Бежин увёл Лену танцевать. Они медленно кружились посреди пустого зала, Лена положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Звук отвернулся: подглядывать за этим было почему-то неловко.

Бежин вернулся к столу один, Лена ушла поправить причёску. Сел рядом со Звуком, налил себе вина.

— Саш.

— М?

— Я тебе хотел сказать. — Бежин помолчал. — Не сейчас, но вообще. Я, может, к весне соскочу.

Звук повернулся к нему.

— Ленка просит, — сказал Бежин тихо. — Да и я сам. Дочке три года. Я в пять утра просыпаюсь и думаю: а если что. Понимаешь?

— Понимаю.

— Тесть зовёт в автосервис, к себе. Руки у меня есть. Денег я отложил немного. Ну, на первое время.

Звук помолчал. Он сам думал о том же. Не про автосервис, но про то, что это не навсегда. Что деньги, которые он откладывал, должны во что-то превратиться. В дом. В дело. Не в ещё одну стрелку, не в ещё один ларёк, не в ещё одного торгаша, которого надо пугать.

— К весне, — сказал он. — Нормально. Доделаем, что есть, и иди.

Бежин выдохнул. Видно было, что он боялся этого разговора.

— Спасибо, Саш.

— Не за что пока.

* * *

Ушлый дождался, когда Немой ушёл курить, а Лена со Щавелем заспорили о каком-то фильме. Подсел к Звуку с другой стороны. Таран пересел поближе.

— Ну? — сказал Звук.

— Короче. — Ушлый наклонился, понизил голос. — Помнишь площадку на Ленинском, напротив заправки? Машины стоят. Иномарки.

— Ремизов.

— Он. — Ушлый был доволен, что Звук сам вспомнил. — Я узнавал. Он полгода как открылся. Гонит из Прибалтики «бэхи», «ауди», «опели». Продаёт хорошо. И он ни под кем. Чистый.

— Так не бывает, — снова сказал Таран.

— Да слушай ты! Я пробивал. Никто не приезжает, никто не забирает. Сидит, как у Христа за пазухой. Ну не может так быть, чтоб такое место — и ничьё.

— Вот и я о том, — сказал Звук.

Ушлый посмотрел на него.

— Саня. Ну если бы кто-то был, мы бы знали. Это наш район. Мы тут каждый ларёк знаем. Каждого на «Юноне». Если бы кто-то из чужих к нему ездил, нам бы сказали.

Это было правдой. Звук подумал. Площадку он видел: десятка два машин, вагончик, сторож с собакой. Ремизова однажды видел тоже: невысокий, в очках, вежливый, похож на бухгалтера.

— А если тихо кто-то сидит?

— Кто? — Ушлый развёл руками. — Тамбовские? Они бы уже пальцы растопырили. Малышевские? Так их нет почти. Кто ещё?

— Не знаю. Вот и спрашиваю.

— Саня, это деньги, — сказал Ушлый. — Нормальные деньги. Не ларёчные. Каждый месяц.

Звук смотрел на него. Ушлый всегда находил, где заработать. Иногда находил правильно. Иногда нет. Но обычно его

идеи были хотя бы не глупыми.

— Съездите, — сказал Звук. — Поговорите. Аккуратно. Посмотрите, что скажет. Если скажет, что кто-то есть, спросите кто. И обратно. Ничего не обещать, ничего не требовать.

— Само собой, — Ушлый кивнул.

— Таран, — сказал Звук.

— А?

— Ты едешь смотреть. Не говорить. Смотреть.

— Да понял я, — Таран поморщился. — Чего ты.

— Того.

Таран отвёл взгляд первым.

Ушлый хлопнул по столу.

— Всё, ладно, хорош о делах. Именины же. Борька где? Борька! Иди сюда, мы ещё не всё выпили.

* * *

Расходились за полночь.

Лена повисла на Бежине, сонная, счастливая, с гвоздиками в руке. Щавель пытался поймать такси и рассказывал водителю анекдот прямо через окно. Ушлый с Тараном уехали на «восьмёрке» Тарана, и Звук видел через стекло, как Ушлый что-то объясняет, размахивая руками.

Немой задержался у «кабана». Звук открыл ему дверь: сам довезёт.

Немой не сел. Постоял, глядя на Звука. Потом поднял руку, показал на ресторан, на себя, на Звука. Потом медленно,

отчётливо, так, чтобы точно понял, коснулся пальцем губ, а потом груди.

Звук знал этот жест. Немой показывал его редко.

Если бы мог — сказал бы.

— Знаю, Борь, — сказал Звук. — Садись. Поехали.

Они ехали по пустому Ленинскому, по жёлтым пятнам фонарей. Немой сидел с коробкой плеера на коленях и смотрел в окно. Звук вёл молча.

Было тепло. Конец августа, последние тёплые ночи. Звук подумал, что надо бы съездить куда-нибудь, пока не началась осень. На залив. Всем вместе.

Через три недели четверо из тех, кто сидел за этим столом, будут лежать на пустыре за Красненьким кладбищем.

Глава 2. Площадка

На «Юноне» по субботам было не протолкнуться.

Рынок стоял за железнодорожным переездом на Краснопутиловской, на огороженном пятачке, куда ещё года три назад сгоняли толпу, вылезавшую с тротуара у «Юного техника». Теперь здесь были лотки, будка на входе и плата за вход, а кто хотел торговать, платил отдельно. Сколько и кому — решала будка. А будку решал Звук.

Он стоял у забора и смотрел, как Щавель обходит ряды. Щавель шёл неторопливо, улыбался, здоровался, кому-то жал руку, кого-то хлопал по плечу. Со стороны казалось, что гуляет человек, просто зашёл посмотреть. Торговцы знали, что не просто.

Платы, транзисторы, разъёмы, мотки проводов. Кассеты с играми для «Денди» в ярких коробках. Чёрные коробки компьютеров, вокруг которых толпились пацаны в очках и спорили про какие-то мегагерцы. Радиотелефоны. Видеокамера «Панасоник», над которой продавец трясся, как над младенцем. Каждые полчаса на переезде гудел поезд, долго и злобно, потому что на рельсах опять стояла чья-то машина. Никто не обращал внимания.

Щавель вернулся с пачкой, сложенной вдвое, и сунул её Звуку во внутренний карман.

— Всё. Кроме деда.

— Какого деда?

— Вон. — Щавель кивнул на дальний угол. Там на ящике сидел старик в кепке, перед ним на газете лежали лампы. Старые, советские, в картонных коробочках с выцветшими надписями. — Второй месяц приходит. Говорит, пенсию не платят, вот, распродаёт. Платить, говорит, нечем.

Звук посмотрел на деда. Дед смотрел на свои лампы.

— Пусть сидит.

— Саня, если все так будут…

— Все так не будут. Пусть сидит.

Щавель пожал плечами. Спорить со Звуком он не любил, да и не о чем тут было спорить.

— Ты добрый сегодня.

— Я всегда добрый.

Щавель заржал так, что обернулись двое пацанов от компьютеров.

* * *

Звук думал о Ремизове.

Ушлый с Тараном поехали к нему с утра. Звук сам выбрал время: суббота, покупателей много, Ремизов на месте, при людях никто не станет делать резких движений. Посидят в вагончике, поговорят. Ушлый умел разговаривать. Если Ремизов скажет, что кто-то за ним есть, — развернутся и уедут. Если скажет, что никого, — тогда будет разговор дальше. Не сегодня.

Простой план. Звук любил простые планы, у них меньше

мест, где можно ошибиться.

И всё равно он думал о Ремизове. О вежливом человеке в очках, похожем на бухгалтера, который полгода торгует иномарками на Ленинском, и никто к нему не ездит. Так не бывает. Таран это сказал, а Таран редко бывал прав. Но тут был прав.

* * *

В будке на входе стоял телефон. Около двух часов парень, сидевший в будке, высунулся и замахал Звуку рукой.

— Тебя! Срочно, говорит!

Звук взял трубку.

— Саня. — Это был Ушлый, и голос у него был не такой, как всегда. Без улыбки. — Саня, ты это… Подъедь. На площадку.

— Что случилось?

— Подъедь, а? — Пауза. Шум улицы в трубке. Ушлый звонил из автомата. — Тут, короче… Колька немного не так.

Звук ничего не спросил. Положил трубку.

— Щавель. Поехали.

* * *

От «Юноны» до площадки было десять минут. Звук доехал за шесть.

Он увидел всё ещё с дороги. «Восьмёрка» Тарана стояла поперёк въезда. Ворота открыты. Собака сторожа рвалась на цепи у вагончика и хрипела от лая. Человек пять покупателей стояли поодаль, у машин, и смотрели в сторону вагончи-

ка. Когда «кабан» заехал на площадку, они стали расходиться. Быстро, не оглядываясь.

У вагончика на земле сидел охранник. Здоровый парень в пятнистой куртке. Сидел, привалившись спиной к колесу ближайшей «ауди», и держался за голову. Между пальцами у него текла кровь, заливала ухо, воротник. Глаза были мутные, плавали.

Таран стоял над ним. Дышал тяжело, как после раунда. Костяшки на правой руке были сбиты в мясо.

Ушлый стоял у двери вагончика. Бледный. Увидел Звука, сделал шаг навстречу и остановился.

Звук вышел из машины. Медленно, не торопясь. Щавель вышел следом и остался у машины.

— Где Ремизов?

Ушлый кивнул на вагончик.

Звук прошёл мимо Тарана, не глядя на него. Поднялся по железной ступеньке. Внутри было тесно: стол, два стула, сейф в углу, календарь с японской девушкой на стене. Один стул лежал на боку. По полу рассыпаны бумаги.

Ремизов сидел за столом. Очки лежали перед ним, с треснутым стеклом. Нос был разбит, губа рассечена, левый глаз заплывал на глазах. Он держал у лица скомканный носовой платок, весь красный. Дышал осторожно, неглубоко, и Звук понял, что у него сломаны рёбра.

Ремизов посмотрел на Звука одним глазом. Без страха. Это Звук отметил сразу: в этом взгляде было что угодно,

только не страх.

— Вы старший, — сказал Ремизов. Не спросил.

— Я.

Ремизов кивнул, как будто что-то отметил для себя. Отнял платок от лица, посмотрел на кровь, снова прижал.

— Я вашим ребятам сказал, — проговорил он медленно, разбитыми губами. — Вежливо сказал. Что я работаю. Что у меня есть люди. Что им лучше уехать.

Звук молчал.

— Ваш… этот. — Ремизов чуть повёл головой в сторону двери. — Решил, что я его пугаю. Охранник вступился. Ну, вот.

— Кто твои люди?

Ремизов посмотрел на него долго. Потом тихо, почти с сожалением, сказал:

— Вы не знаете, к кому пришли.

* * *

На улице Звук остановился перед Тараном.

Таран смотрел исподлобья. Ждал. Он знал, что сейчас будет, и уже приготовился спорить.

— Саня, он сам. Он лыбился, понимаешь? Сидит, лыбится. «Лучше вам уехать, ребята». Это он мне! А этот бык ещё за ствол хватался…

— За какой ствол?

— Ну, полез под куртку!

Звук посмотрел на охранника. Посмотрел на землю во-

круг него. Пистолета нигде не было.

— Ушлый, — сказал он, не оборачиваясь. — Что было?

Ушлый помолчал. Потом сказал, глядя в сторону:

— Сели, поговорили. Нормально. Ремизов сказал, что с людьми работает, называть не стал. Сказал, что не надо ему ничего, всё у него есть. Ну, я уже вставать начал. А Колька… — Ушлый замялся. — Колька ему сказал, что так не бывает. А тот ему: «Бывает, молодой человек. Вам, видно, не объяснили». Ну и…

— И ты ему вмазал, — сказал Звук Тарану.

— А чё он…

— И охраннику.

— Он полез!

— И ещё раз Ремизову. Когда тот уже лежал.

Таран открыл рот и закрыл. На это ответить было нечего: пол вагончика и сломанные рёбра Ремизова говорили сами за себя.

Звук смотрел на Тарана и чувствовал, как внутри поднимается холодное, тяжёлое, очень спокойное. Он знал это чувство. В такие минуты лучше ничего не делать руками.

— Я тебе что сказал? — проговорил он тихо.

Таран молчал.

— Смотреть. Не говорить. Смотреть.

— Саня…

— В машину. Оба.

* * *

Перед тем как уехать, Звук вернулся к охраннику. Присел на корточки рядом. Парень смотрел на него мутно, пытался сфокусироваться.

— Слышишь меня?

Парень кивнул и поморщился от боли.

— Голова кружится? Тошнит?

Ещё кивок.

— Сотрясение. — Звук обернулся. — Щавель. Отвези его в травму. Скажешь, упал.

— Я? — Щавель вытаращил глаза.

— Ты.

Щавель посмотрел на него, потом на охранника, потом опять на Звука. Хотел что-то сказать и не сказал. Пошёл помогать парню подняться.

Звук снова поднялся в вагончик. Ремизов сидел, как сидел.

— В больницу поедешь?

— Сам доберусь.

Звук достал из кармана пачку, которую утром передал ему Щавель, с «Юноны». Не считая положил на стол, рядом с треснутыми очками.

— На лечение. И охраннику.

Ремизов посмотрел на деньги. Потом на Звука. Не взял, но и не отодвинул.

— Это ничего не изменит, — сказал он. — Вы понимаете?

— Понимаю.

— Нет, — сказал Ремизов. — Пока не понимаете.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.